

Глава 4. Отчаяние

Цянь Яо был в отчаянии.

Что ещё хуже, на следующий день его разбудили до рассвета. Цянь Яо плохо разобрался в древнем исчислении времени, но, судя по всему, на тот момент не было и четырёх утра. Для человека, которому даже подъём к восьми на учёбу казался мукой, пробуждение в такой час было смертельно.

Но самое ужасное заключалось в том, что ему предстояло прислуживать императору — подавать воду для полоскания рта и чай.

Когда его величество наконец отправился на утренний приём, Цянь Яо понадеялся, что сможет хоть немного вздохнуть спокойно.

Но не тут-то было. Даже в отсутствие императора слуги должны были постоянно держать наготове горячий чай и отвары на случай, если он внезапно вернётся.

Цянь Яо по-прежнему ничего не умел и пытался расспрашивать окружающих, но, должно быть, по приказу императора, его все игнорировали. Ему не оставалось ничего, кроме как молча наблюдать за другими и повторять их действия.

К концу дня он чувствовал себя совершенно разбитым.

Нет, так больше продолжаться не может. Он должен вернуться домой.

Любой ценой. Этот феодальный строй ужасен, он не вынесет здесь и секунды.

Цянь Яо начал лихорадочно обдумывать способы возвращения. Он вспомнил, что оказался здесь, поскользнувшись в ванной и ударившись затылком. Значит, чтобы вернуться, нужно удариться ещё раз?

Решив проверить эту теорию, он нашёл во дворе самую высокую лестницу. Но стоило ему взобраться наверх, как он понял, что ступени слишком высоки. Его с детства так оберегали, что он и царапины ни разу толком не получил. Страх сковал его. Простояв на ледяном ветру почти час, он так и не смог заставить себя упасть.

За это время он многое обдумал. Стало ясно, что самому прыгнуть не получится — придётся просить кого-то о помощи. Но он здесь никого не знал, да и кто в здравом уме согласится на такое?

После долгих раздумий Цянь Яо решил, что довериться можно только Сяо Суйцзы. Что бы их

ни связывало в прошлом, он инстинктивно верил ему.

Выбрав момент, он пробрался на императорскую кухню. Сяо Суйцзы был очень занят и вышел не сразу. Его одежда была перепачкана мукой, но, увидев Цянь Яо, он просиял и, подбежав, сунул ему в руку пирожное.

— Я сам сделал, попробуй.

Сердце Цянь Яо тронула эта забота, и он на миг засомневался. Если с ним что-то случится, не навредит ли это Сяо Суйцзы? Но потом он решил, что в древности без камер наблюдения, если найти безлюдное место, Сяо Суйцзы сможет толкнуть его и быстро уйти незамеченным.

Приняв окончательное решение, он отвёл друга в сторону.

— Мне нужна твоя помощь.

— Какая? Говори, — тут же откликнулся Сяо Суйцзы.

— Видишь ту лестницу? — Цянь Яо указал на ступени. — Я встану наверху, а ты... ты можешь меня толкнуть?

— Зачем? — Сяо Суйцзы смотрел на него с полным недоумением. — Ты что, в бреду?

Он потрогал лоб Цянь Яо.

— Да нет, не горячий.

— Я не болен, — поспешно ответил Цянь Яо. — Просто...

Он не знал, как объяснить, и решил не пытаться.

— Ты сможешь мне?

— Конечно, нет! Как я могу причинить тебе вред?

— Это не вред, это помощь.

Сяо Суйцзы выглядел ещё более растерянным.

— А Яо, что ты такое говоришь?

— Неважно, просто толкни меня.

— Ты с ума сошёл! Ты теперь служишь при императоре, тебе нельзя получать увечья.

— Я знаю, но...

Не успел он договорить, как Сяо Суйцзы схватил его за руку.

— А Яо, что-то случилось? — взволнованно спросил он.

— Нет.

— Точно нет? — Сяо Суйцзы не верил ему. — Неужели ты... хочешь покончить с собой?

При этой мысли он запаниковал и вцепился в Цянь Яо мёртвой хваткой.

— Даже не думай! Я знаю, тебе сейчас тяжело, но если ты умрёшь, все наши труды пойдут прахом. Последняя кровь семьи Цянь прервётся!

Цянь Яо хотел лишь, чтобы его толкнули, но неожиданно получил ценные сведения.

«Последняя кровь семьи Цянь?»

— Ты и этого не помнишь? — Глаза Сяо Суйцзы покраснели.

Цянь Яо мысленно поблагодарил себя за то, что придумал историю с потерей памяти, иначе его бы давно разоблачили.

— Почему последняя? Моя семья... они все мертвы?

В древности, где продолжение рода считалось первейшей обязанностью, лишь крайняя нищета могла заставить отдать сына в евнухи. Цянь Яо предполагал, что его «прошрое я» было из бедной семьи. Но теперь, зная, что он — фальшивый евнух, и видя реакцию Сяо Суйцзы, он понял, что всё гораздо сложнее.

— Да, — подтвердил Сяо Суйцзы.

— Что произошло?

Сяо Суйцзы мучительно колебался, но всё же рассказал:

— Семью Цянь втянули в дело опального наследного принца. Покойный император приказал казнить всех мужчин старше шестнадцати, а остальных обратить в евнухов. Женщин отдали в казённые дома.

Новость обрушилась на Цянь Яо как гром среди ясного неба.

— Значит, я... потомок опального сановника?

— Да, — в глазах Сяо Суйцзы заблестели слёзы. — Уверен, это какое-то недоразумение. Господин Цянь никогда бы не стал ввязываться в придворные интриги...

Сяо Суйцзы продолжал что-то говорить, но Цянь Яо его уже не слышал.

В глазах потемнело.

Потомок преступника, фальшивый евнух, прислуживающий тирану — в любом романе это верная дорога на плаху. Классическое пушечное мясо.

В его сознании замелькали названия древних пыток: «игра на пипе», «железная расчёска», «поливание кипящим маслом», «сдирание кожи», «смерть от тысячи порезов», «разрубание пополам»...

Он не сомневался, что если тиран раскроет его тайну, то непременно выберет для него одну из этих казней.

«Лучше уж самому», — решил Цянь Яо.

— А Яо, что с тобой? — Голос Сяо Суйцзы вернул его к реальности.

— Ничего, — ответил он. — Просто кое-что понял.

Удар был настолько силён, что страх отступил. Чтобы повысить шансы, Цянь Яо отказался от лестницы и выбрал уступ высотой в половину человеческого роста. Он приготовился, но врождённый инстинкт самосохранения оказался сильнее. В момент падения он невольно сгруппировался, и, хотя от боли в глазах потемнело, серьёзных травм он не получил. Этот план тоже провалился.

Что ж, остаётся покончить с собой. Его душа ведь просто переселилась. Если тело умрёт, она должна вернуться обратно. А если нет... он был готов смириться. Это всяко лучше, чем такая жизнь, не говоря уже о постоянном риске быть разоблачённым и подвергнуться жестокой казни.

Цянь Яо приступил к подготовке, собравшись испытать классический набор для самоубийц.

Первым делом — шёлковый шнур.

Шнура у него не было, так что он нашёл какую-то тряпку и, дождавшись, пока в его комнате никого не будет, попытался задушиться. Но стоило ему затянуть петлю, как шею пронзила острая боль, а нехватка воздуха оказалась невыносимой. После трёх попыток он сдался.

Раз удушение не сработало, оставался кинжал.

Но и это было невозможно. Во-первых, где его достать? Слугам императора запрещалось иметь при себе оружие. А во-вторых, у него просто не хватило бы духу нанести себе удар.

Тогда — яд. Но и его было негде взять. Цянь Яо даже пытался найти в углах крысиный яд, но тщетно.

После провала всех трёх классических способов он решил попробовать утопиться в колодце.

Но, подойдя к краю и заглянув в тёмную, неподвижную воду, он тут же утратил всю решимость. Вода казалась ледяной, колодец — бездонным, а скользкие, влажные стены могли скрывать змей...

Одного взгляда хватило, чтобы он отбросил эту мысль.

— Эх... — Цянь Яо тяжело вздохнул, стоя у зловещего колодца.

Жить — недолго, умереть — не получается. Что может быть безнадежнее?

Погрузившись в отчаяние, он простоял так довольно долго, прежде чем собрать волю в кулак и вернуться во двор евнухов.

Как раз подошло время ужина.

Что ж, раз так, надо поесть.

На кухне ему выдали миску варёной репы с капустой.

Только в этот момент Цянь Яо понял, что отчаяние его было преждевременным. Бывают вещи и похуже. Чувство полной безысходности достигло своего пика, но он со слезами на глазах заставил себя съесть ложку — он умирал от голода.

После первого же куска он разрыдался ещё сильнее. Это было невыносимо отвратительно.

И всё же он заставил себя съесть ещё несколько ложек, потому что после ужина нужно было идти на службу. Он боялся, что упадёт в голодный обморок.

Этой ночью он дежурил, отвечая за чай в покоях императора.

Хотя его никто не учил, за последние дни Цянь Яо посмотрелся на других и кое-что усвоил. Например, во время ночного дежурства чайник нужно менять каждые полчаса, чтобы чай для императора всегда оставался горячим.

В спальне стояли большие европейские часы, и Цянь Яо, войдя, не сводил с них глаз, боясь пропустить время.

Едва он сменил чай в первый раз, как вошёл император. Он выглядел утомлённым.

— Чаю, — бросил он.

Цянь Яо тут же налил чашку горячего чая и, покорно опустив голову, протянул её. Длинные пальцы взяли у него из рук чашу.

Он уже усвоил правила и не смел поднимать взгляд, как раньше. Сложив руки перед собой, он почтительно ждал, когда ему вернут пустую чашу.

Однако император, допив чай, не вернул её. Он лениво поглаживал фарфор, играя с чашей, словно с новой занятой игрушкой.

Затем над головой Цянь Яо раздался тихий смешок.

Цянь Яо не понял, что происходит, и хотел было забрать пустую чашу, но император, вместо того чтобы отдать её, раскинул руки.

— Раздень.

Хотя Цянь Яо и усвоил, что на монарха смотреть нельзя, эта внезапная просьба заставила его невольно поднять глаза. Их обязанности были чётко разделены, он отвечал только за чай. Какое ещё «раздень»?

Но слово императора — закон. Стиснув зубы, он протянул руки к его одеянию.

Как и ожидалось, он даже не знал, с какой стороны подступиться к поясу. После долгой возни ему так и не удалось ничего снять.

Человек перед ним молчал, не торопил, но Цянь Яо физически ощущал его взгляд, впившийся в затылок. Несмотря на полную тишину, гнетущее давление нарастало.

Это давление было настолько невыносимым, что Цянь Яо ещё отчаяннее пытался справиться с одеждой, чтобы поскорее уйти. Но он ничего не смыслил в древних нарядах, тем более в сложном императорском облачении.

Он уже подумывал просто упасть на колени и молить о прощении, как вдруг над головой раздалось вопросительное:

— М-м?

Цянь Яо не успел даже осознать, что означает этот звук, как все слуги во дворце, как один, рухнули на колени.

Он вздрогнул и тоже поспешно опустился на пол.

В покоях воцарилась мёртвая тишина. Несмотря на множество людей, не было слышно ни единого вдоха.

На ковёр перед ним упала капля. Цянь Яо понял, что это пот, градом катившийся с его лба.

Раньше он бы не поверил, что один-единственный звук может заставить его пасть ниц в животном ужасе. Но теперь он понял: он просто никогда не жил в такой реальности. Всё, что он читал в учебниках истории, казалось ему сказками, и лишь в этот миг он осознал, что это была не выдумка, а самая настоящая жизнь.

Власть монарха, стоявшего на вершине феодальной пирамиды, была безгранична и ужасающа.

Одно его движение, один каприз, одно слово, брошенное невзначай, — и все вокруг в страхе падали на колени.

Цянь Яо не понимал, почему император вдруг приказал ему раздевать его, но также понимал, что для этого не нужно причин.

Он мог делать всё, что пожелает. Захочет убить — убьёт.

Атмосфера в зале была убийственной. Никто не смел ни шелохнуться, ни издать звук. Хотя обстановка не была такой кровавой, как в день его прибытия, именно сейчас Цянь Яо испытал подлинный ужас.

Он не смел поднять глаз, видя перед собой лишь расшитый золотыми облаками подол императорского халата.

В следующее мгновение этот подол опустился на пол.

Чья-то рука коснулась его подбородка, заставляя медленно поднять голову.

Так близко Цянь Яо впервые увидел лицо императора. Первое, что бросилось в глаза, — бледность, подобная вечным снегам на вершине горы. Черты лица были тонкими и чёткими, словно нарисованные тушью, но гетерохромия — один глаз красный, другой чёрный — придавала ему зловещую, резкую красоту.

Взгляд этих глаз был настолько пронзительным, что Цянь Яо не посмел встретиться с ним.

Он попытался опустить голову, но пальцы, державшие его подбородок, чуть дрогнули, словно дразня котёнка.

— Всего несколько дней прошло, — произнёс император. Его лицо оставалось бесстрастным, голос — ровным, но Цянь Яо уловил в нём нотку фальшивого сожаления.

Следующие его слова заставили сердце Цянь Яо рухнуть в бездну.

— А ты уже стал таким скучным.

<http://bllate.org/book/15347/1412574>